

каждый подобный сюжет, всякий раз стремясь поставить его в биографический и поэтический контекст, можно обрести не точное знание (его исключает сам предмет изучения), но более ясное представление о том, каким был этот человек — Александр Пушкин на rendez-vous.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-63-77

© Н. А. Хохлова

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 2

В соответствии с основной задачей статьи — исследовать обстоятельства (главным образом служебные), в которых протекала археографическая деятельность Тургенева, — в первой (вступительной) части¹ рассмотрены предпосылки к ее осуществлению (формирование исторических интересов в Геттингенском университете под руководством А. Л. Шлецера, научное общение с Н. М. Карамзиным в связи с подготовкой «Истории государства Российского»). Почти вся служба Тургенева прошла под начальством кн. А. Н. Голицына, поэтому дано представление об их личных взаимоотношениях, особое внимание уделено совместной работе по Министерству духовных дел и народного просвещения.

Важный исследовательский сюжет, определивший научную судьбу Тургенева, связан с приобретением им в 1809 году так называемых «Актов Альбертранди», издать которые напутствовал его Карамзин. Распространенные в научной литературе утверждения о том, что после 1824 года он нигде не служил, был непримиримым оппозиционером, собирал источники по истории России как историк-энтузиаст, неверны фактически или нуждаются в существенной корректировке. После падения упомянутого Министерства (1824) служба Тургенева продолжилась при Почтовом департаменте, возглавляемом Голицыным, и имела статус высочайших «поручений» (первое из них состояло в том, что он должен был сообщать об устройстве европейских учебных, благотворительных и богоугодных заведений).²

С 1832 года начинается регулярная переписка А. И. Тургенева с А. Н. Голицыным. В Особую канцелярию при Почтовом департаменте он направлял свои отчеты и получал заверенные копии, которые и отложились в архиве.³ Кроме того, существовала и неофициальная переписка (имеются как черновики писем Тургенева, так и ответы Голицына). Этот внушительный эпистолярный комплекс, насчитывающий около 230 писем, практически не изучался. Тем не менее он известен, так как некоторые письма были опубликованы в составе «Хроники русского» (этой теме мы посвятим отдельную статью).

С сентября 1832 по февраль 1834 года Тургенев преимущественно жил в Италии, ревностно исполняя данное ему поручение. В отчетах из Венеции, Флоренции и Рима

¹ См.: Русская литература. 2021. № 1. С. 73–86.

² Работа основана на материалах архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Далее при цитировании материалов этого фонда указываются номер единицы хранения (с пометой «ст.», т. е. по старому описанию) и лист.

³ «Копии писем Действительного статского советника А. Тургенева к князю А. Н. Голицыну с реэстрами книг, пересылаемых из-за границы по части народного просвещения Министерства внутренних дел и по части филантропической» (Ед. хр. ст. 1102; 61 письмо за 1832–1841 годы). Эти копии, об изготовлении которых Тургенев сам хлопотал, были ему необходимы, «дабы знать, где и что у меня осталось» (Ед. хр. ст. 4714₆. Л. 30 об.).

за 1832–1833 годы он сообщал о богоугодных заведениях, больницах, монастырях, различных училищах, университетах, библиотеках; присылал их уставы, регламенты, объявления, проспекты и пр. Из Флоренции он писал о старейшем в Европе приюте для детей-подкидышей, акушерской школе, работном доме, об одном из первых училищ для глухонемых. Посещая университеты (в Падуе, Болонье, Пизе), Академию художеств в Венеции, он излагал их историю и современные «способы преподавания». Но более всего его привлекали библиотеки и архивы. Описывая древние монастыри в окрестностях Неаполя, «коих училища, архивы и библиотеки были в средние века источником гражданской образованности и просвещения», он сообщал: «Архив монастырский <монастыря Monte-Casino. — Н. Х.> обогащался рукописями древних классиков и церковных отцов <...> В числе первых примечательных списков „Энеиды“ по некоторым стихам, коих, как меня уверяли, ни в одном издании Виргилия не находят. Я выписал их для наших филологов» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 18 об.).

В конце 1832 года Тургенев приехал во Флоренцию. Здесь он познакомился с итальянским историком Себастьяно Чампи (Sebastiano Ciampi, 1769–1847). Это событие следует считать отправным моментом археографической деятельности Тургенева за границей.

Выпускник, а с 1801 года профессор Пизанского университета по кафедре классических литератур, в 1818 году от имени императора Александра I Чампи был приглашен возглавить такую же кафедру во вновь основанном Варшавском университете. Его служба в Варшавском, а также в Виленском университетах продолжалась недолго — до 1822 года, но интерес к итальяно-польско-русским связям остался навсегда. Как пишет М. Д. Бутурлин, «он был удостоен поручением от имп. Александра I и Николая I отыскивать в Италии материалы, относящиеся до России».⁴ На их основе Чампи издал ряд сочинений.⁵ О его приверженности к России, утверждал Бутурлин, «хорошо было известно всем русским, проживавшим во Флоренции. Особенно был он признателен монархам, которые ему покровительствовали».⁶ Одним из первых свидетельств знакомства Тургенева с итальянским историком является письмо-отчет Голицыну от 19 ноября 1832 года,⁷ в котором, в частности, сообщалось: «...аббат Чампи (Ciampi) с дозволения нашего правительства послал уже в Петербург собранные им в Италии материалы для Российской истории» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 14 об.).

Встреча с Чампи, который был лично знаком со многими польскими деятелями, в том числе с Я. Б. Альбертранди (состоял с ним в переписке), побудила Тургенева вернуться к старому, горячо поддержанному Карамзиным замыслу — издать «Акты Альбертранди». Для этого следовало сверить их с подлинниками, хранящимися в Ватиканском секретном архиве.

Здесь нам необходимо сделать небольшое отступление, касающееся истории и структуры этого знаменитого хранилища.

В самом начале своего существования Ватиканский секретный архив⁸ отделился от Ватиканской библиотеки, и с тех пор это «различные учреждения, каждое со своей

⁴ Бутурлин М. <Вступительная заметка к публикации>: Критический разбор неизданных документов, относящихся до истории Дмитрия, сына Московского великого князя Иоанна Васильевича, составленный бывшим профессором Варшавского и Виленского университетов каноником Себастьяном Чиямпи / [Пер. М. Д. Бутурлина] // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860–1861. СПб., 1860. Кн. 1. Отд. 3. С. 3.

⁵ Наиболее значительными принято считать следующие: «Notizie dei secoli XV e XVI. Sull' Italia, Polonia e Russia» (Firenze, 1833) и «Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, ecclesiastiche <...> dell'Italia colla Russia, colla Polonia etc.» (Vol. 1–3. Firenze, 1834–1842).

⁶ Бутурлин М. <Вступительная заметка к публикации>. С. 4–5.

⁷ 11 ноября 1832 года датировано рекомендательное письмо к Джузеппе Джигантони, которым Чампи снабдил Тургенева (Ед. хр. ст. 2235).

⁸ Определение «секретный» («secretus») означает «отдельный, находящийся в стороне» и указывает как на автономность учреждения, так и на его принадлежность непосредственно папе римскому.

структурой и полномочиями».⁹ Главой архива — централизованного папского хранилища, учрежденного в начале XVII века, — «является папа Римский, который принимает решения, касающиеся в основном доступа к документам <...> Работой <...> руководит кардинал, являющийся одновременно главой Ватиканской библиотеки <...> Первым заместителем кардинала-архивиста является префект архива и ответственный за административную и научную работу учреждения. <...> Библиотека всегда была открыта для ученых, архив закрыт до кон. XIX в. <...> Доступ к фондам имели только отдельные ученые <...> например, Г. В. Лейбниц».¹⁰ При Наполеоне в 1809 году Ватиканский секретный архив был вывезен в Париж для замышлявшегося грандиозного общеевропейского архива. После падения Бонапарта он был возвращен в Рим, но часть документов осталась во французской столице; многое было утеряно при перевозке.

В почетный перечень «отдельных ученых» должно быть внесено и имя Тургенева как первого русского исследователя архива. Широкая публика узнала об этом хранилище из «Хроники русского», опубликованной в «Современнике» в 1837 году: «...в архиве Ватиканском <...> находится более двух миллионов папских булл, все сношения Римского двора с другими государствами, донесения нунций папских <...> — история всемирная или, по крайней мере, материалы для оной», — писал Тургенев.¹¹

Попасть в закрытое учреждение ему удалось благодаря многочисленным светским знакомствам и высокому — в глазах иностранцев — положению. Последнее сулило «корыстолюбивым», по его выражению, итальянцам определенную мзду. Важнейшую роль сыграло знакомство с Джузеппе Меццофанти (1774–1849), состоявшееся в конце января 1833 года.¹² Он известен прежде всего как выдающийся полиглот, владевший, по разным данным, более чем 60 языками (в том числе русским). Как раз в 1833 году Меццофанти стал главным хранителем Ватиканской библиотеки; с 1838-го — кардинал.

«Спешу в Ватиканскую библиотеку к Мезофанти», — сообщал Тургенев Жуковскому 23 декабря 1833 года (Ед. хр. ст. 4714, Л. 28 об.), а 12 февраля 1834-го датировано небольшое стихотворение итальянского полиглота, написанное по-русски и посвященное Тургеневу.¹³ Как главный хранитель Ватиканской библиотеки, он мог рекомендовать своего русского знакомого префекту Ватиканского секретного архива — графу Марино Марини. Благодаря публикации фрагментов римского дневника Тургенева, подготовленной К. М. Азадовским, известна точная дата их знакомства: 24 января 1834 года.¹⁴ Таким образом, есть все основания полагать, что Тургенев получил разрешение префекта и приступил к работе над «Актами Альбертранди» в начале 1834 года. Дело сладилось непросто, потребовались «домогательства», о чем впоследствии он извещал Жуковского: «Довольны ли моими рапортами, особенно последним? То есть о ватиканских рукописях, кои вряд ли окончательно выдадут в Риме другому? Я послал реэстр оных князю А<лександр> Н<иколаевичу> отсюда, описав мои домогательства и успех в сем деле и намекнув, в особом письме, о моих желаниях. Переговорите с ним о сем и взгляните на бумаги. Я собираюсь издать сию рукопись вместе с прежними, ватиканскими же: всего 163. Приложил и мнение о новых Строева. Я хочу из этого издания составить себе некоторым образом *цель* жизни в Париже и в Риме, ибо и туда за ними заехать должно. Здесь никто о сих предметах не знает, не с кем посоветоваться; да и в П<етер>бурге один Круг. В Париже и люди и книги —

⁹ Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 305.

¹⁰ Там же. Архив стал доступен исследователям при папе Льве XIII (1878–1903).

¹¹ Из отчета Голицыну от 8 (20) апреля 1835 года (Ед. хр. ст. 1003, Л. 5). Впервые опубликовано: Современник. 1837. Т. 5. С. 26. См.: Тургенев А. И. Хроника русского / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 100.

¹² О Меццофанти и обстоятельствах знакомства с ним Тургенева см.: Азадовский К. «Устаю от восхищения непрерывного...» (Александр Тургенев в Риме) // Всемирное слово. 2005. № 17/18. С. 6.

¹³ При посредничестве Тургенева оно было опубликовано в «Московском наблюдателе» (1835. Ч. 1. С. 454–455).

¹⁴ Азадовский К. «Устаю от восхищения непрерывного...». С. 11.

войдет ли князь в эти причины и захочет ли помочь мне? *Résumé*: Ни в каком случае я в России не останусь» (Ед. хр. ст. 4714₆. Л. 36 об. — 37).

Это письмо было отправлено из Москвы 14 июня 1834 года. (В феврале Тургенев покинул Италию и через Швейцарию, Австрию и Германию отправился в Россию, куда прибыл в середине мая.) На сей раз он приехал на родину, исполненный новых забот и надежд.

Главным событием 1833 года в жизни братьев Тургеневых стала женитьба Николая Ивановича (венчание состоялось в октябре в Женеве). Его избранница — дочь пьемонтского изгнанника маркиза Гастона де Виариса красавица Клара де Виарис (1814–1890) — была бесприданницей. После 10 лет скитаний, опасностей, неудавшихся попыток оправдания, отвергнутый соотечественниками, он нашел свое счастье, которое озарило и жизнь Александра Ивановича. «Теперь твое дело кончено; судьба брата устроена; брось кочевую жизнь и утвердись в Москве, — внушал ему Жуковский, — <...> До сих пор ты был *все* для брата твоего и ты делал для него *все*; Бог благословил заботы твои; он в тихой пристани. Ты необходим для него и можешь (даже обязан перед ним) думать о самом себе».¹⁵

В жизни Тургенева наступала новая эпоха. Основной целью поездки в Москву в 1834 году, как и последующих, было «устроить независимое состояние» брата.¹⁶ Не менее важным был вопрос о дальнейшей службе. По всей видимости, он решил его, находясь еще за границей, и это решение в корне расходилось с предложением Жуковского о «сенаторстве в уголовном департаменте». Свой план он отчасти раскрыл в первом же московском письме, которое мы процитировали выше.

План был многоаспектным: практические шаги, касающиеся воплощения научных замыслов, сочетались в нем с жизненной стратегией на длительную перспективу. «Обдумывая всю жизнь, — писал он Голицыну 3 сентября 1835 года, — я более и более убеждаюсь, что деятельность собирателя — не смею сказать ученого — для меня единственно возможная и для других не бесполезная» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 23 об.). Этой деятельности следовало придать официальный статус — в таком случае появились бы веские причины для длительного пребывания в Париже, ибо значительная часть рукописей Ватиканского секретного архива осталась, как мы упоминали выше, именно там. «Что ты все хлопочешь о сенаторстве? — пенял Тургенев Жуковскому, — <...> думай и думайте только о моих Ватиканских рукописях и о средствах передать меня им, а *через них* и брату хотя на время; но это последнее — мое дело, а не ваше» (Ед. хр. ст. 4714₆. Л. 48).

В его помыслах не было лукавства: оба мотива — научный и личный — сочетались органично и неразрывно.¹⁷

Тургенев приехал в Москву, уже имея представление об объемах и степени сложности предстоящей работы. В его распоряжении был указатель документов Ватиканского секретного архива, относящихся к России, составленный Марино Марини по повелению кардинала Т. Бернетти, секретаря папы Григория XVI.¹⁸

Проект предполагал научную часть, связанную с выявлением документов, и техническую (их копирование). Взяв на себя роль организатора, Тургенев должен был изыскать средства на оплату и научной, и технической работы. От своего доверенного лица в Петербурге — К. С. Сербиновича, служившего при Министерстве народного просвещения, — он мог одним из первых узнать о замыслах создания под эгидой

¹⁵ Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 281.

¹⁶ *Свербеев Д. Н.* Мои записки / Изд. подг. М. В. Батшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева. М., 2014. С. 493.

¹⁷ Трактовка В. А. Мильчиной (она указывает на приоритет личного мотива) представляется не вполне корректной, а положение о том, что «добрые друзья <...> Александр Голицын, Жуковский вместе придумали ему должность», фактически недостоверным (*Толстой И.* Обретенный Тургенев: беседа с Верой Мильчиной (<https://www.svoboda.org/a/25076879.html>; дата обращения: 25.12.2020)).

¹⁸ Ед. хр. ст. 1021. Документ озаглавлен: «*Monumenta Russian, Moscoviam, ac Rutenos spectantia e schendulis Indicum in Tabulariis Secretioribus Vaticanis...*».

Министерства Археографической комиссии.¹⁹ Так или иначе, но приезд в Москву совпал с ее учреждением (1834).

Как известно, изначально Комиссия была создана для издания материалов, собранных экспедицией П. М. Строева в 1829–1832 годах. Именно он и был ее фактическим руководителем (при председателе кн. П. А. Ширинском-Шихматове). Как следует из цитированного письма, Тургенев успел войти с ним в сношения и заручиться «мнением» о вновь найденных актах. Археографическая комиссия унаследовала практику работы Румянцевского кружка: она имела «сеть корреспондентов в России и за границей, <которые> выявили много документов по русской истории в иностранных архивах».²⁰ Пионерами среди них были Тургенев, С. М. Строев (брат П. М. Строева), С. В. Соловьев, а одним из первых изданий — так называемые «Акты Тургенева».

В сложившихся обстоятельствах у Тургенева были основания надеяться на финансовую поддержку со стороны правительства, но главное — на обретение официального статуса. В «особом письме» он, несомненно, просил Голицына о ходатайстве перед государем.²¹

Следовало обосновать свой проект и представить его в виде докладной записки на высочайшее рассмотрение. Окончательный вариант записки обнаружить не удалось, но известен предварительный. Он был составлен Н. А. Полевым и сохранился в двух редакциях — краткой и пространной (Ед. хр. ст. 1022; автограф). Близкое общение с Полевым относится к августу–сентябрю 1834 года. Сетования в июньском письме Жуковскому на то, что в Москве «не с кем посоветоваться», оказались преждевременными и не вполне основательными — в лице Полевого Тургенев нашел компетентного и заинтересованного помощника.

14 сентября Полевой препроводил ему «очерк проэкта».²² В качестве обоснования, апеллируя к опыту «просвещенной Европы», он заявлял о безусловной научной и государственной важности издания исторических и дипломатических актов, ссылаясь на отечественные образцы («Собрание государственных грамот и договоров» и др.), знакомил с историей приобретения «Актов Альбертранди» и той научной апробацией, которую они получили в «Истории государства Российского»; рассказывал об архивных изысканиях самого Тургенева. В заключение рассуждал о необходимости публикации собранных им актов и в связи с этим предлагал следующий план работ:

«Таким образом может быть составлено и издано не просто часть материалов, собранных Альбертранди, но ученое собрание дипломатических актов и записок исторических вообще об отношениях Запада к России, важное для истории Польши, Швеции, России и самого Востока с отдаленных времен до XVIII столетия. Россия подарит Европе трудом, достойным полного внимания просвещенных европейцев, и представит доказательство своего настоящего образования.

Для сего необходимо:

1. Сообразить историческо-критически все события касательно отношений России к Западу Европы, и особенно к Италии и Папе, начиная с XI-го века, но преимущественно с XV-го до XVIII-го <...>

¹⁹ К. С. Сербинович (1797–1874), фактически секретарь Карамзина в последний период его жизни, начал службу в Департаменте духовных дел у Тургенева, «добрейшего начальника, которому был сдан, так сказать, на руки несравненным Николаем Михайловичем» (Ед. хр. ст. 2123. Л. 1). Благодаря своей образованности, разносторонним интересам, широкому кругу деятельности (цензор, редактор «Журнала Министерства народного просвещения», член Археографической комиссии и мн. др.), осведомленности в литературных делах, наконец, благодаря глубокой личной преданности Тургеневу и обязательности в исполнении его поручений Сербинович стал его доверенным лицом.

²⁰ Булыгин И. А. Археографическая комиссия // Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. 1. С. 808.

²¹ Это письмо нам неизвестно; о его содержании можно судить на основании ответа князя от 22 июня 1834 года (Ед. хр. ст. 1103⁴. Л. 2).

²² Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева (К истории публикации «Хроники русского» в «Современнике») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. Т. 43. № 4. С. 333.

2. <...> извлечь и составить из отечественных архивов обозрение письменных памятных, к сим событиям относящихся, как поверку исторических событий. <...>

3. Руководствуясь сими предварительными работами, приступить к полному обозрению Ватиканской и барбериниевской в Риме, Амброзианской в Милане и других библиотек; дополнить выписки Альбертранди и, снабдив все собрание пояснительными замечаниями, издать приличным важности предмета образом, разумея здесь не великолепие, но ученое достоинство издания. Такое собрание могло бы быть названо „Собрание дипломатических и исторических актов касательно сношений России с Западною Европою с XI-го по XVIII-й век“» (Ед. хр. ст. 1022₆. Л. 11–11 об.).

Тургенев представил свой проект (очевидно, при посредничестве Голицына) в конце сентября или в самом начале октября 1834 года, ибо 4 октября последовало «Предписание Главному казначейству о выдаче <...> 5 тыс. рублей на приобретение копий с рукописей, в Ватиканском архиве находящихся» (Ед. хр. 1022. Л. 1).²³ Новая должность Тургенева, согласно формулярному списку, именовалась так: «Высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся». «По такому возложенному на него поручению, — читаем далее, — Высочайше повелено ему донесения свои и отчеты Государю Императору представлять чрез посредство <...> князя Голицына и вообще по сему делу с ним состоять в прямом и исключительном сношении» (Ед. хр. 1234. Л. 8 об. — 9 об.).

В связи с этими событиями Тургенев писал Вяземскому 28 октября: «Ты знаешь, что я представлял о приобретении ватиканских рукописей. <...> Все для меня сделано, и лучше, нежели я ожидал: рукописи найдены заслуживающими внимания; проект мой также; начальнику папского архива (Марино Марини. — Н. Х.) дана 2-я Анна; на писцов велено, по моему распоряжению, выдать 5000 рублей. Чиаппи-профессор подчинен мне по сему делу, и флорентинская и римская миссии наши о сем уже предвзяты. Я могу ехать в Рим и довершать начатое».²⁴

Впоследствии Тургенев сделает еще два «представления» императору Николаю I: в 1837 и 1839 годах. Каждое будет означать известный рубеж его археографической деятельности.

В начале 1835 года Тургенев вновь отправился в Италию. К маю работа в Ватиканском архиве в целом была завершена. «Акты Альбертранди» были дополнены многими ранее не известными документами; теперь собрание Тургенева насчитывало свыше 400 документов.²⁵ Оставалось выявить те, которые хранились в Париже со времен неудавшегося проекта Наполеона.

В конце мая того же года Тургенев наконец приехал в Париж «проездом в Англию из Италии, где не мог оставаться по причине жаров» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 15). Его влекло сюда все — и возможность жить в семействе брата (он впервые стал свидетелем его супружеского счастья),²⁶ и служебная необходимость. Дата приезда была выбрана неслучайно — Тургенев спешил навестить могилу брата в день годовщины его смерти: «Накануне 1го июня, дня кончины Серези, т. е. 31 мая <...> я отслужил по милому брате панихиду и потом прямо из церкви отправился на его могилу (на кладбище Пер-Лашез. — Н. Х.)».²⁷ Далее он пишет о мистическом «зове» брата и в то же время о вполне реальных обстоятельствах — выразительный пример того, как глубоко личное сочеталось в сознании Тургенева со служебно-обязательным: «И приидох... ибо голос был

²³ В письме Голицыну от 30 октября 1834 года Тургенев приносил «чувствительную благодарность» и далее сообщал о своем намерении немедленно отправиться во Флоренцию, «где находится аббат Чиаппи, назначенный для наблюдения за переписыванием Ватиканских актов» (Ед. хр. ст. 1102. Л. 32).

²⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 259. Имеется в виду орден Св. Анны 2-й степени, награждение которым предполагало возведение в потомственное дворянство и давало ежегодную пенсию.

²⁵ Для сравнения напомним, что сами «Акты Альбертранди» содержали копии всего 72 документов.

²⁶ В феврале 1835 года у Н. И. и Клары Тургеневых родилась дочь Фанни Александра, любимая племянница Тургенева.

²⁷ Из письма неустановленному лицу от 9 июня (27 мая) 1835 года (Ед. хр. ст. 2449. Л. 1).

с того света: мог ли я послушаться и не быть слушателем; но я не *слушник*, ибо ничего на сей раз не обещал и ничего мне на *сей раз* запрещать не было, и я последовал примеру других — и воспользовался предложением законным — укомплектовать рукописи ватиканские здешними, отсюда увезенными».²⁸

Важнейшим событием 1835 года следует считать изменение вектора научных изысканий Тургенева, вернее сказать, обращение к той теме, к которой он тяготел всегда: русский XVIII век. Приступив к работе в Королевской библиотеке, он неожиданно нашел «точно сокровища исторические» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 23), относящиеся к XVIII веку, и 12 июня известил об этом Голицына, прося исходатайствовать ему разрешение остаться в Париже. Прежде, чем князь успел принять меры, Тургенев получил 4 июля высочайшее предписание «в кратчайшее время» покинуть Париж, о чем и сообщил Голицыну: «Теперь в самом, так сказать, пылу моих занятий я должен все бросить. Здесь у меня книги, библиотека, мои собственные многолетние собрания рукописей» (Там же. Л. 15, 17).

Из Лондона он с горечью писал: «Сколько ни стараюсь я заслужить доверенность Правительства поведением ясным и откровенным и деятельностью не совсем бесполезною, я все не могу достигнуть главной цели: спокойствия в сей самой деятельности» (Там же. Л. 23). В августе он получил письмо от своего патрона, в котором сообщалось о разрешении жить в Париже 2 месяца (по истечении этого срока подобным же образом было получено разрешение еще на 4 месяца).

Тургенев вернулся и работал с невероятным энтузиазмом, отстаивая тем самым право на продолжение занятий. Он вынужден был доказывать то, что не требует доказательств. Он «оправдывал» свое пребывание в Париже отчетами Голицыну, который, в свою очередь, предъявлял их Николаю I в качестве оснований для своих ходатайств. «Пусть мне позволят, по крайней мере, отметить, все прочитанное, составить опись любопытнейшим актам и потом уже пусть предоставят другим, хотя бы и не под моим руководством, трудиться над полным собранием находящихся здесь актов. <...> Но до того времени да позволено мне будет трудиться здесь, возвратиться в Москву и там в Архиве иностранных дел, где я начал службу, сличить каталоги здешних рукописей с тамошними, отметить то, что у нас находится, и таким образом дополнить *свое* здешним и приготовить материалы для полной дипломатической истории, которую напишет — достойнейший» (Там же. Л. 24–24 об.).

Основные находки в 1835–1836 годах Тургенев совершил в архиве Министерства иностранных дел и в архиве Королевской библиотеки. В первом он обнаружил «более сотни фолиантов о России», из которых ему удалось просмотреть около 30. Они содержали документы с 1660 по 1742 год, до начала царствования Елизаветы Петровны. Разумеется, наибольшее внимание археографа привлекла эпоха Петра I. Большую помощь ему оказали сотрудники Королевской библиотеки: «Библиотекари Шамполион-Фижак, Фориэль, Парис услужливы чрезвычайно» (Ед. хр. ст. 2449. Л. 1 об.). У министра иностранных дел герцога Виктора де Броглио он получил разрешение работать в Архиве иностранных дел, с начальником которого, известным историком Ф.-О. Минье (автором «Истории Французской революции»), у него сложились вполне доверительные отношения. «В архиве же иностранных дел, — писал Тургенев, — продолжаю работать ежедневно, отмечая важнейшее. Там три писца переписывают для меня с оригинальных депешей; так как в них перемешано важное с мелкими случаями тогдашней дипломатики, то выбор иногда затруднителен, но истинно исторических достопримечательностей так много, что труд вознаграждается с избытком».²⁹ Вообще, объему выписок, сделанных менее чем за год, причем в значительной части собственноручно, можно только удивляться.

Характеризуя в целом деятельность Тургенева, М. Б. Мокроусова писала: «Основные находки <...> он сделал в архивах Англии и Франции. <...> Во Франции он стал одним из первых русских исследователей, до него было осмотрено только рукописное

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Тургенев А. И. Хроника русского. С. 109.

собрание Королевской библиотеки в Париже. <...> А. И. Тургенев приобретал также подлинники и копии исторических документов у французских коллекционеров. Наиболее известны из этих материалов — черновые депеши, написанные секретарем французского посольства в Петербурге Кальяром <...> и освещающие историю первых лет царствования Екатерины II. <...> В результате проделанной работы А. И. Тургенев составил коллекцию донесений и писем английских и французских послов при русском дворе (Балюза, Кампредона, Маньяна, де ла Шетарди, Гарриса и других) за период с 1660 года до начала XIX века».³⁰

2 июля 1836 года Тургенев приехал в Москву с огромным багажом выписок, которые следовало представить на высочайшее рассмотрение.³¹ Доклад императору имел для него совершенно исключительное значение — от его результатов зависела дальнейшая судьба. Намеченный план работ в Московском Главном архиве Коллегии иностранных дел к величайшей досаде Тургенева осуществить не удалось. Прежнего начальника архива Н. Н. Бантыш-Каменского давно не было в живых, а с новым — А. Ф. Малиновским — отношения не сложились: в письмах Голицыну встречаются жалобы на чинимые им всевозможные препятствия (Ед. хр. ст. 1076. Л. 49–51).

Тургенев начал подготовку к докладу после поездки в Симбирск (август–сентябрь 1836 года) и принятия — во имя брата — мучительного решения о продаже родового имения с. Тургенево.³² Александр Иванович с неохотой навещивался в Петербург, ибо как человек светский не мог избежать в столице встреч с людьми, так или иначе причастными к приговору над его братом. На сей раз поездка была необходима в связи с докладом; он прибыл в Петербург в конце ноября 1836 года.

Следовало составить обзор содержания выписок, привезенных как из Ватиканского секретного архива, так и из парижских архивов. По просьбе Тургенева эту работу взял на себя Сербинович. «Князь Петр Андреевич Вяземский, — писал он Тургеневу 2 ноября 1836 года из Петербурга, — сообщил мне желание ваше знать, могу ли я принять на себя участие в составлении обзора рукописей <...>. Несколько недель тому назад я отвечал бы на это утвердительно и безусловно <...> но теперь, как мне поручена Канцелярия синодального обер-прокурора, прежде всего желал бы я видеть самые бумаги <...> Итак, ежели вы по приезде в Петербург позволите мне увидеть собранные вами рукописи, я или сам займусь ими или найду способных для этого дела людей» (Ед. хр. ст. 2125. Л. 3).

Сохранилась первоначальная редакция обзора, озаглавленная «Черновые записки, приготовленные для Всеподданнейшего доклада к 14^{му} февралю 1837 г.»; текст — рукой Сербиновича с многочисленными исправлениями и вставками Тургенева (Ед. хр. ст. 1062). Обзор открывался кратким предисловием, в котором излагались соображения Тургенева по поводу издания актов. В отношении ватиканских рукописей он предлагал создать «особую комиссию из людей опытных в подобном деле» (Там же. Л. 6). Спустя некоторое время эта идея была конкретизирована: «...все ватиканские акты передать в Археологическую комиссию» (Ед. хр. ст. 2256. Л. 67). Ввиду того, что собранный корпус документов существенно превзошел по объему «Акты Альбертранди», издание, которое в свое время анонсировал Карамзин, должно было приобрести совсем иной формат, вследствие чего печатное заявление историографа могло утратить свою силу. Не допуская подобной мысли, Тургенев с необычайной настойчивостью, многократно, впервые — в данном обзоре заявлял: «Как таковым изданием отменилось бы объявленное покойным Карамзиным намерение мое издать самому

³⁰ Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 39–40. «Коллекция» (собрание снятых Тургеньевым копий) сохранилась поныне и насчитывает 23 фолианта (Ед. хр. ст. 2001–2023). Тургенев систематизировал собранные материалы: разделил их по темам и эпохам и переплел. Каждый том имеет оглавление или обзор содержания; кроме того, имеется сводный указатель ко всей коллекции (Ед. хр. 2024).

³¹ Дата приезда установлена на основании письма Голицыну от 3 июля 1836 года (Ед. хр. ст. 1076. Л. 47).

³² Александр Иванович утешался тем, что оно осталось в роду Тургеньевых (его приобрел двоюродный брат Б. П. Тургеньев).

Альбертрандиевы выписки, то я обязываюсь просить <...> объяснить в предисловии участие мое в составлении сей коллекции и причину, изменившую прежнее мое намерение» (Ед. хр. ст. 1062. Л. 7).

Относительно парижских выписок Тургенев предлагал: «...издать оные на мой собственный счет» или заимобразно — на ссуду, полученную от государства, которую намеревался вернуть по мере продажи тиража (это предложение, впоследствии не раз повторенное,³³ не было поддержано). Еще об одном проекте узнаем из письма и небольшой записки М. П. Погодина, приложенных к обзору. Из них следует, что Тургенев познакомил его со своим собранием и предложил быть издателем: «Я очень был бы рад быть издателем ваших и прочих актов, и этих», — последовал ответ историка (Там же. Л. 57 об.).

Структура обзора такова. Он состоит из двух частей: «Франция» (Ед. хр. ст. 1062. Л. 8–27 об.) и «Выписки из Ватиканской библиотеки в Риме» (Там же. Л. 28–31 об.). В первой представлены обозрения материалов под рубриками: «Архив Министерства иностранных дел», «Архив Королевства Французского» (Главный Королевский архив), «Королевская библиотека», «Разные архивы». В последней рубрике сообщалось, в частности, о так называемом Реймском евангелии и известии об Анне Ярославне — находках Тургенева, которые всколыхнули всю европейскую и русскую славистику.³⁴ Заметка о них стараниями Сербиновича была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1836, январь). Ее следует считать первым печатным сообщением об археографической деятельности Тургенева.

Внутри рубрик материал расположен в тематико-хронологической последовательности. Например, обозрение документов Архива Королевства Французского состоит из двух частей: «Из времени Петра Великого» и «Из времени императрицы Екатерины Второй». Описание Ватиканских актов носит аналитический характер и сопровождается их перечнем (Л. 35–55).

К докладу Голицына, разумеется, были изготовлены беловые списки с «Черновых записок» Сербиновича. Фрагмент одного из этих списков отложился в архиве. Он включает только две рубрики: описание документов из Архива Министерства иностранных дел и из «разных» архивов (Ед. хр. ст. 1135).

Доклад 14 февраля 1837 года прошел успешно. Помимо обзора Николаю I были представлены и сами копии документов. 16 февраля Тургенев сообщал брату: «Гос<ударь> прочел все мои записки и оставил у себя все римские и пар<ижские> бумаги в 8 богатых портфелях и утвердил *все* мои представления: 1500 р. Сербиновичу за составление оглавлений, перстень с шифром Марино Марини и *обещание* звезды Станислава, если доставит мне другие бумаги. Экземпляры разных русских книг для меня и для библиотек парижских. 1000 р. на приобретение бумаг *Монмерке*. — Ни табакерки с вензелем мне, ни 5000 р. еще на расходы я не просил себе, а все это дано, — и *обещание* отпустить меня в Париж...»³⁵

Сверх того, Голицын известил, что К. В. Нессельроде «объявлено повеление» о высочайшем дозволении Тургеневу работать в Московском архиве Коллегии иностранных дел (Ед. хр. н. 905. Л. 28–29 об.).³⁶ Еще одно очень важное распоряжение последовало накануне отъезда нашего героя за границу. 27 мая 1837 года князь

³³ Например, в памятной записке Голицыну, составленной после доклада (Ед. хр. ст. 1076. Л. 67; без даты).

³⁴ Подробнее см., например: *Жуковская Л. П.* Реймское евангелие. М., 1978; *Турилов А. А.* Реймское евангелие // *Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия.* М., 2014. С. 677–678.

³⁵ *Фомин А. А.* Новые материалы для биографии Пушкина (Из Тургеневского архива) // *Пушкин и его современники.* СПб., 1908. Вып. 6. С. 78. Имеется в виду Л. Ж. Н. Монмерке, французский литератор и собиратель рукописей, у которого Тургенев приобрел переписку гр. Ш. Г. Вержена, французского министра иностранных дел, с маркизом Ш. О. Верраком, послом Франции в России (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. С. 111).

³⁶ Тургенев был крайне недоволен состоянием этого архива. Жалуясь на «хаос архивского порядка», он писал Вяземскому 22 апреля 1837 года: «...потомство не догадается, что Россия играла такую блистательно важную роль в XVIII веке, если мы оставим архив в руках Малиновских...» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 4. С. 10).

препроводил ему «желанное письмо» на имя гр. П. П. Палена. Отныне Тургеневу не только дозволялось жить в Париже; российскому послу предписывалось принять его «в свое благорасположение», разрешить пользоваться дипломатической почтой, оказывать при необходимости «благосклонное покровительство» (Ед. хр. ст. 1059¹². Л. 5–5 об.). Итак, все чаяния Тургенева сбывались...

В письме брату от 19 февраля 1837 года он передал содержание беседы с царем, состоявшейся спустя два дня после доклада: «...увидел он меня на бале у франц<узского> посла, громко подозвал меня к себе и сказал вслух, во услышание всех предстоявших à реу près так: „Т-в, благодарю тебя, очень благодарю. Я читаю твои бумаги с вел<иким> удоволь<ствием>. Ты много трудился“. <...> „Теперь благословляю тебя; поезжай куда хотел; но прошу тебя об одном: *другим не занимайся*“. Я сказал с чувством: „Вы видели, что я работал своею рукою <...> и не терял время: обещаю и впредь так же трудиться“. Государь сказал мне: „Верю тебе, верю; теперь дай же руку“, — и сильно пожал мне ее». ³⁷

«Напутствие» Николая I прежде всего подразумевало запрет на распространение копии «Записок» Екатерины II. «Много шума из ничего» — так охарактеризовали В. А. Мильчина и А. Л. Осповат инцидент, который спровоцировали распространившиеся в Петербурге в начале 1838 года слухи о якобы готовящемся в Париже издании «Записок» при непосредственном участии Тургенева. ³⁸ Это были очень опасные для него комеражки. Потребовались немалые усилия, чтобы отвести от себя подозрения. Тургенев вынужден был расстаться со своим списком, передав его российскому послу Палену. Голицыну он направил пространное оправдательное письмо, которое Мильчина и Осповат опубликовали по сохранившемуся черновику. Оно заканчивалось двумя просьбами: представить это письмо императору и «исходатайствовать возвращение отобранной <...> рукописи, которое будет вместе и свидетельством моей невинности». ³⁹ В письме от марта 1838 года Голицын передал Тургеневу ответ Николая I: «Его Величество верит всем показаниям Вашим, и, следовательно, не должны Вы нисколько опасаться никаких с его стороны подозрений <...> что же касается до самого экземпляра записок, <...> то оный возвращен Вам быть не может...» (Ед. хр. ст. 1059¹². Л. 7–7 об.).

Вяземский утешал: «Понимаю, что твоему архивариусскому сердцу больно будет отодрать от него такое сокровище. Признаюсь, и мне было больно, хотя у меня и не такая архивная природа, как у тебя. <...> Со временем же, когда возвратишься в Россию с новыми добычами старины и оснуешь Тургеневский музей, то, верно, позволят хранить в этом музее и записки». ⁴⁰

С октября 1837-го по май 1839 года Тургенев продолжал свои архивные занятия в Париже. По следам его разысканий научные экспедиции предприняли члены Археологической комиссии П. А. Муханов и С. М. Строев, которым он оказал большую помощь. ⁴¹ Однако впоследствии ему пришлось досадовать на то, что с ним не согласуют издательские планы, а его имя как первооткрывателя документов не упоминается.

³⁷ Фомин А. А. Новые материалы для биографии Пушкина. С. 83–84.

³⁸ «Первая копия была снята князем Александром Куракиным с подлинника, предоставленного ему Павлом I; <...> по смерти Куракина (1818) текст „Записок“ оказался в распоряжении Александра Тургенева, и к его копии восходят едва ли не все циркулировавшие в России списки; <...> на рубеже 1830–1840-х годов правительство приступило к их конфискации...» (Мильчина В., Осповат А. Много шума из ничего: мемуары Екатерины II в приватной и служебной переписке 1838 г. // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 132).

³⁹ Там же. С. 145.

⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 137. Эта история неожиданно получила продолжение в 1843 году, когда Тургеневу вновь пришлось писать оправдательную записку (Ед. хр. ст. 1563) по поводу принадлежавшей ему копии «Записок» в связи с публикацией П. В. Долгоруковым «Заметки о главных фамилиях России» (Париж, 1843).

⁴¹ См.: Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. / Публ. Н. П. Барсукова // Русская старина. 1881. Т. 32. Октябрь. С. 337–340; Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 43.

Тургенев решил расширить географию археографических изысканий; 12 мая 1839 года он извещал Жуковского о плане «обширного вояжа» в Германию, Данию, Швецию и Финляндию, откуда предполагал к концу августа приехать в Москву (Ед. хр. ст. 4714, Л. 49). Мокроусова писала: «Он осмотрел архивы и библиотеки городов Вольфенбюттеля, Эмса и Киля. <...> В Швеции <...> составил реестр источников по русской истории, хранившихся в Королевском архиве в Стокгольме <...> и в Упсальском архиве. А. И. Тургенев осмотрел рукописное собрание Академической библиотеки в городе Або и составил реестр <...> русских летописей и старопечатных книг».⁴²

В Россию он приехал в сентябре 1839 года. Целью поездки, как и в 1837-м, был отчет императору, который состоялся в первой половине октября. На этот раз Голицын сделал не менее трех представлений о деятельности Тургенева. Мы располагаем своего рода хроникой событий, запечатленной в 11 письмах князя от 10–17 октября 1839 года (Ед. хр. ст. 1992).

Самым насущным был вопрос о публикации собранных материалов. Доклады Голицына сопровождалось поднесением раритетов от имени Тургенева. «Со всемирнейшим Монаршим благоснисхождением и благоволением» были приняты в дар «Акты Альбертранди», «четыре тома извлеченных из Ватиканской библиотеки актов» и другие материалы. Государь распорядился, сообщал Голицын, передать все в Министерство народного просвещения «для внесения в Археографическую комиссию с тем, чтобы предписана была ей к исполнению следующая Высочайшая воля:

1) Немедленно заняться разбором Ватиканских актов и особенно Коллекции Альбертранди и возможное издать в свет с объяснением в предисловии об участии Вашем (Тургенева. — Н. Х.) в составлении сего собрания и о поднесении <актов> Альбертранди во всеподданнейшее Его Величеству приношение.

2) К изданию сему присовокупить по усмотрению Археографической комиссии и другие исторические акты, в Париже, в Риме и других местах <...> приобретенные и простирающиеся по содержанию своему только до 18 столетия; в предисловии к ним также упомянуть о трудах Ваших <...> Остается Вам по возвращении <...> в Париж озаботиться доставлением русского перевода 72 актов Альбертранди» (Ед. хр. ст. 1992. Л. 3–3 об.).

Иное распоряжение последовало в отношении материалов XVIII века — выписок из парижских архивов и «шести фолиантов рукописей, принадлежавших Кальяру» (Там же. Л. 3). Согласно высочайшему повелению, они были переданы Нессельроде, «дабы по предварительном рассмотрении, — пишет Голицын, — им обще со мною сих бумаг по исключении из них всех мест, гласности не принадлежащих, все прочее было напечатано от Министерства иностранных дел...» (Там же).

С особым одобрением князь сообщал о царских милостях, которыми Тургенев был буквально осыпан. В виде компенсации прекращенного оклада, который он получал как член Комиссии составления законов, повелено было ежегодно выплачивать ему 3 тыс. руб. ассигнациями. На археографическую работу выделялось: переписчикам — 1500 руб., на предстоящие расходы — 3 тыс. руб., «а впредь производить ежегодно <...> на писцов по 1500 рублей...» (Там же. Л. 1). Аренда, которой Тургенев пользовался с 1828 года, была заменена «соразмерным арендским денежным производством по 1220 рублей сер. в год <...> с 12 апреля будущего 1840 года на 12 лет» (Там же. Л. 1 об.). Кроме того, он был удостоен ордена Св. Станислава 1-й степени.

По составленной Голицыным записке «О Тургеневе» (Ед. хр. ст. 1173_{а-10}), которую князь представил Николаю I в декабре 1839 года, последовало изменение служебного статуса Тургенева.⁴³ 14 декабря министр юстиции Д. Н. Блудов внес «Предложение Правительствующему Сенату» об определении Тургенева «состоять при главноначальствующем над Почтовым департаментом кн. А. Н. Голицыне с оставлением

⁴² Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 39.

⁴³ Исчисляя его заслуги, князь, между прочим, не преминул упомянуть, что за «Акты Альбертранди» «канцлер г. Румянцов предлагал, сверх издержек печатания, 25 т. руб.» (Ед. хр. ст. 1173_{а-10}. Л. 2). В этой записке впервые, а далее все более настойчиво Голицын ходатайствовал о повышении Тургенева в чине (о производстве его в тайные советники).

прежнего высочайшего поручения „об ученых изысканиях, до российской истории относящихся, в иностранных государствах“ и введении А. И. Тургенева в общий Гражданский список» (Ед. хр. ст. 1995).⁴⁴ «Предложение» было удовлетворено, и с 1840 года Тургенев стал официально числиться по ведомству Главного начальства над Почтовым департаментом с жалованьем 9 тыс. руб. асс. в год.⁴⁵

Отчет 1839 года предрешил эдизионную судьбу коллекции Тургенева. Во исполнение высочайшей воли по предначертанному Николаем I плану в 1841–1842 годах в двух томах были изданы «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек д. ст. сов. А. И. Тургеневым». Они содержат документы XI — начала XVIII века: папские буллы, донесения папских нунциев и легатов, инструкции З. Герберштейну, иезуиту Поссевину, дипломатические документы, письма Ивана Грозного, Стефана Батория, сочинения о России (Пернштейна, Фоскарино, Тьеполо) и мн. др. В исторической науке известны как «Акты Тургенева». Подготовка их к печати составляет отдельный сюжет; здесь мы можем привести его только в самом кратком изложении.

Принято считать, что издание было осуществлено Археографической комиссией фактически без участия Тургенева, который с июля 1840-го по июль 1842 года находился за границей. Как говорится в предисловии к «Актам», «приготовлением к изданию и наблюдением за печатанием первого тома <...> занимался главный редактор и член Археографической комиссии <...> А. Востоков».⁴⁶ Следует также назвать председателя Комиссии Ширина-Шихматова и министра народного просвещения Уварова, в ведении которого она находилась. Сношения с Тургеньевым осуществлялись посредством переписки Уварова с Голицыным. В круг лиц, в наибольшей степени причастных к подготовке «Актов», должен быть включен и Сербинович, — к такому выводу мы пришли, изучив его письма к Тургеньеву указанного периода (Ед. хр. ст. 1077).

Для Востокова, выдающегося филолога-слависта, «приготовление к изданию» латинских исторических актов, по-видимому, было более предметом служебной обязанности, чем непосредственного научного интереса. Во всяком случае, «Акты» отнюдь не принадлежат к числу работ, составивших славу его имени. Как уже отмечалось, Тургенев придавал очень большое значение предисловию. С его «первым проектом», подготовленным Востоковым, он успел ознакомиться еще до отъезда за границу и остался им крайне недоволен. «Я ожидал более рвения к делу сему в Востокове», — сетовал Тургенев, обнаружив, что все предоставленные в распоряжение ученого материалы — письма Голицыну, обзоры документов — остались без внимания.⁴⁷ Сам он так сформулировал идею предисловия: «Надобно познакомить Россию и Европу, до коей рано или поздно дойдет сия коллекция, — с ходом дела сего, со всеми приобретениями, с трудами приобретателя; не хвалить его сухо, а сказать пространнее, что и как делалось, дать понятие об этом сборнике».⁴⁸

С этими задачами удалось справиться Сербиновичу. Именно он, а не Востоков является автором окончательной редакции предисловия, как следует из его писем Тургеньеву. Сотрудник Министерства народного просвещения, член Археографической комиссии, опытный редактор, тонкий дипломат, Сербинович на протяжении всего периода подготовки «Актов» был проводником воли Тургенева, его «недреманном оком».

Существенным недостатком издания стало отсутствие переводов; между тем еще по замыслу Карамзина «Акты Альбертланди» должны быть снабжены «русским пе-

⁴⁴ Известно, что после 14 декабря 1825 года Блудов перешел «по другую сторону баррикад». В глазах Тургенева это стало поводом для непримиримого разрыва дружеских отношений, завязавшихся еще в Архиве Коллегии иностранных дел в 1800 году. Едва ли можно считать простым совпадением дату оглашения документа — 14 декабря.

⁴⁵ Сообщение об этом: Санкт-Петербургские ведомости. 1840. 12 янв. № 8.

⁴⁶ Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. СПб., 1841–1842. Т. 1. С. XV.

⁴⁷ Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. С. 349.

⁴⁸ Там же.

реводом». ⁴⁹ После отчета 1839 года Тургеневу, напомним, дано было поручение «доставить переводы». Мокроусова утверждает: «Переводы документов, предложенные им Археографической комиссии, не приняли, и все источники были изданы на языке оригиналов, что несколько затруднило их использование». ⁵⁰ Возможно, от переводов отказались из цензурных соображений, с целью заведомо сократить читательскую аудиторию, ибо в актах, одной из ведущих тем которых является экспансия католицизма на Восток, «встречаются многие оскорбительные выражения на счет православия». ⁵¹ Может быть, это была уступка вкусам Уварова, большого ценителя классических языков, — иначе говоря, определенного ответа на этот вопрос нет.

В 1848 году, уже после смерти Тургенева, Археографическая комиссия издала «Дополнения к Актам историческим, относящимся к России. Собраны в иностранных архивах и библиотеках А. Т.» (документы XIII–XVIII веков).

Издание 1841–1842 годов получило положительные отзывы И. П. Боричевского, Н. А. Полевого, А. В. Старчевского; ⁵² резко отрицательный — историка и археографа Я. И. Бередникова: «...Востоков, которого немцы и чехи называют гелертером <...> испортил (до невероятности) издание иностранных актов, которые издавать гораздо легче славянских!» ⁵³

Рецензия Полевого ценна как свидетельство очевидца и помощника Тургенева в разработке археографического проекта. Несмотря на то, что в рецензии он явно преувеличил собственный вклад в предприятие Тургенева, несмотря на верноподданнический пафос, она заслуживает внимания как едва ли не единственный и в целом достоверный рассказ о правительственной поддержке деятельности Тургенева. Тяжко нуждавшийся Полевой с едва скрываемой завистью писал о «щедрых пособиях», которыми снабдил его знакомец «просвещенный и мудрый Монарх». ⁵⁴

В дружеском кругу Тургенева эта рецензия стала притчей во языцех. Посылая выписку из нее, Вяземский язвил: «А вот серенада, которую задал тебе Полевой. А ты и не хвастался знакомством с ним и тем, что ты был исполнителем и *жнецом* мысли его» (Ед. хр. ст. 1245. Л. 25; из письма от 7 апреля 1842 года). Сербинович досадовал: «Надлежало по частям разобрать и опровергнуть нелепую критику Полевого <...>, в коей он присвоил себе всю вашу заслугу; надлежало бы самому написать рецензию...» (Ед. хр. ст. 2125; из письма от 22 августа 1842 года). Сам Тургенев всячески старался отречься от сотрудничества с Полевым. Рассчитывая на антикритику со стороны «Современника», он писал редактору журнала П. А. Плетневу: «Думаете ли отвечать за меня моему протектору и *тайному* советнику Полевому, ибо *наяву* — он мне ничего не советовал и просматривал каталог, мною же из Рима привезенный, куда я не по его совету ездил...» ⁵⁵

По сравнению с ватиканскими актами судьба выписок, относящихся к XVIII веку, сложилась гораздо менее удачно. Она окончательно решилась в феврале 1841 года, когда Нессельроде, на рассмотрение которого они были переданы, доложил Николаю I, что рукописи Кальяра и выписки из парижских архивов «наполнены оскорбительными на счет русской нации отзывами и что за исключением всего, что находится в них непристойного и даже обидного для чести имени русского, очень мало останется таких статей, публикацию которых может принести какую-либо

⁴⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 146 (прим. 408).

⁵⁰ Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 41. Источник сведений исследовательница не указывает. Из письма Тургенева Вяземскому от 11 ноября 1836 года следует, что «перевод почти всех ватиканских прежних рукописей, коими пользовался Карамзин», отправленный из Парижа в Москву, затерялся. «Другой копии, — заключает Тургенев, — у меня нет, и, следовательно, потеря невозвратная» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 3. С. 358).

⁵¹ Акты исторические, относящиеся к России... Т. 1. С. XIII.

⁵² Перечень рецензий см.: Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России. С. 41.

⁵³ Александр Иванович Тургенев в его письмах 1827–1845 гг. С. 350. Гелертер (от нем. der Gelehrte) — ученый.

⁵⁴ Русский вестник. 1842. № 2. Разд. III. С. 112.

⁵⁵ Проскурина В. Ю. Неизданные письма А. И. Тургенева. С. 338.

пользу в историческом отношении» (Ед. хр. ст. 2000_{bis}). Вердикт императора был таков: «...не издавая в свет <...> хранить <...> в Государственном архиве, при Министерстве иностранных дел учрежденном» (Там же).

Казалось, точка была поставлена, однако вновь пришел на выручку Сербинович. Как редактор «Журнала Министерства народного просвещения», он извещал Тургенева 7 декабря 1842 года: «Теперь думаю напечатать <...> обозрение сведений, заключающихся в сделанных вами выписках из парижских архивов о Петре Великом. Статья эта приготовлена Борисом Михайловичем, который свидетельствует вам глубочайшее почтение...» (Ед. хр. ст. 1077. Л. 10). Имеется в виду известный литератор Б. М. Федоров;⁵⁶ именно ему принадлежит заслуга составления трех «Обзрений» документов тургеневской коллекции, которые увидели свет еще при жизни самого собирателя.⁵⁷ Жанр «обозрения» был выбран ввиду высочайшего запрета на публикацию; материалом в основном послужил «Обзор», составленный Сербиновичем в 1837 году. Следует отметить, что Тургенев очень ценил «Журнал Министерства народного просвещения», считая его лучшим в России ученым журналом.

Официальная служба Александра Ивановича в Почтовом департаменте продолжалась недолго. Из-за надвигавшейся слепоты Голицын неоднократно просился в отставку, но получил ее только 1 мая 1842 года. Он уехал в Крым, в свое имение Гаспра, где незадолго до того возвел замок.⁵⁸ Отставка Голицына означала и отставку Тургенева, ибо ни при каком ином начальнике он не желал служить. Напоследок князь не преминул устроить судьбы своих подчиненных. Тургеневу он, наконец, испросил чин тайного советника и пенсию: «...он представлял Государю, — сообщал Александр Иванович Жуковскому 19 января 1842 года, — о лицах его ведомства, и так как я просил его давно об увольнении меня от двора, а Государь давно уже хотел уволить меня от данного мне поручения, то, дав чин в отставку, дал мне и пенсию 6 т. р. (следовательно, из 13.500 — лишился я 7.500 руб. ежегодно). <...> Сим прекращается и служба, и вся русская жизнь моя, буду готовиться к будущей» (Ед. хр. ст. 4714. Л. 36).

Высочайший указ об увольнении «по расстроенному здоровью вовсе от службы» последовал 13 декабря 1841 года (Ед. хр. ст. 1102. Л. 68), о чем князь тотчас известил Тургенева. В ответ он направил Голицыну письмо — не последнее, но, несомненно, прощальное. Проникнутое религиозно-мистическими настроениями, оно отражало весь спектр чувств, привязанностей, интересов, которые роднили Тургенева с князем. Приведем это письмо, датированное 1 (13) января 1842 года, по сохранившемуся чер-

⁵⁶ Как и Сербинович, Федоров принадлежал к кругу молодых друзей и помощников Карамзина; с 1818 года был чиновником Департамента духовных дел, а в 1821–1823 годах — секретарем Тургенева, директора этого департамента. Почти в каждом письме Сербиновича — новости от Федорова, изъявления благодарности, преданности и т. п.

⁵⁷ Федоров Б. М. 1) Обзорение известий о России в век Петра Великого, извлеченных А. И. Тургеневым из разных актов и донесений французских посланников и агентов при русском дворе // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Т. 37. С. 1–24, 145–183; 2) Обзорение известий о России в царствование Екатерины I... // Там же. 1844. Ч. 41. С. 17–38; 3) Обзорение известий о замечательнейших лицах в царствование Петра I и Екатерины I... // Там же. С. 85–129. После смерти Тургенева были изданы: донесения французского посла маркиза де ла Шетарди (*Пекарский П. П.* Маркиз де ла Шетарди в России. 1740–1742. СПб., 1862); письма Екатерины II к гр. И. Г. Чернышеву (Русский архив. 1871. № 9); записки Г. С. Винского (Там же. 1877. № 1–2). С именем Тургенева принято связывать издание дипломатической переписки XVIII века, впервые появившейся в свет по-французски (*La cour de la Russie il y a cent ans: 1725–1783.* Berlin; Paris; Londres, 1858), затем по-русски (СПб., 1907), а ныне переизданной (*Тургенев А. И.* Российский двор в XVIII веке. СПб., 2005). Между тем Мильчина и Осповат высказали «серьезные сомнения» в авторстве этой книги (*Мильчина В., Осповат А.* Много шума из ничего. С. 146). Как сообщает В. И. Сайтов, обнаруженный Тургеневым в Гаагском архиве «отчет первых официальных голландских посланников в России» опубликован А. Х. Беком в 24-м томе «Сборника Императорского Русского исторического общества» в 1878 году (*Ватюшков К. Н.* Соч. / Со статьей Л. Н. Майкова и прим. В. И. Сайтова. СПб., 1887. Т. 1. Кн. 2. С. 368).

⁵⁸ Подробно о последних годах жизни Голицына см.: *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб., 2014. С. 267–277.

новику с некоторыми сокращениями: «Вчера получил я секретное письмо ваше от 13 декабря о моей отставке, о чине, о пенсии. Ходатайство ваше тронуло меня до слез; перечитываю последние слова ваши, <...> кои останутся моим лучшим утешением. „В последний раз“ и я на письмо благодарю вас за то, что вы меня — невинного перед Отчеством, если не перед Богом, защищали, сохраняли до последних минут вашей государственной деятельности <...>. Надежда моя давно не на людей; и к вам прибегал я по вере в Него. Бог внушал мне и мою доверенность к вам и вашему сердцу — отеческие обо мне попечения. <...> умоляю вас и в самом уединении, в беседе с единым Богом любить Его и служить Ему в людях до последнего великого часа, который <...> отнимет вас от них и передаст в лоно Отчее, куда мои и многих других молитвы пойдут за вами или предварят вас. Не оставляйте сырых и бедных, не отрывайте их от вашего любящего христианского сердца. Не лишайте себя этого единственного по вере блага, да будет последним движением вашим — милостыня, последним взором — утешение других, последним вздохом — молитва за них и за себя. <...> Одна любовь говорит во мне; одна любовь этими слезами умоляет и благодарит вас; не о себе, а вас за вас прошу. — Испытайте меня, укажите мне дело, и совершу его; но довершите и вы весь подвиг ваш, не отнимайте у себя ни одного доброго дела, ни одного чувства, ни одной мысли во благо других, а особливо братьев наших, бедных и сырых <...>».

Говорить ли вам о себе и о своем будущем, ныне без земного покровителя оставшемся. Буду продолжать жить у могилы одного брата и в семействе другого, жить не без труда, хотя труд сей и не будет уже охраняем вами <...>. Вероятно, Архив Московский также будет уже закрыт для меня, но соберу в памяти моей и в бумагах отца — достойное воспоминание если не потомства, то семейства и немногих. Желал бы умереть в Москве, где родился, но жить розно и долго — без семейства и без братской могилы не могу. <...>

Не жалею о том, что у меня отнято, и благодарен за то, что мне оставлено. <...> Занятия мои будут по-прежнему иметь главною целию — пособлять слабость ума сведениями и <ответами> других. Пусть смерть застанет меня готовящимся для жизни в обществе, в России. Одна минута деятельности может осветить бесплодную жизнь. Готовься и будь достоин — остальное Богу! <...>

Желал бы напечатать здесь (в Париже. — Н. Х.) неизданные доселе глубокие христианские мысли Сен-Мартена и его примечательную и наставительную переписку с другом его, но не знаю еще, как приступить к делу.⁵⁹ <...>

Прижимая со слезами руку вашу к моему сердцу, душою
в молитве о вас, с вечною признательностию
и с искреннейшею любовью и почтением
пребуду вашим покорнейшим слугою А. Т.»⁶⁰

Голицын скончался в своем имени Гаспра 22 ноября 1844 года и был похоронен в балаклавском Георгиевском монастыре. Тургенев пережил своего покровителя всего на один год. Он умер, как того и желал, в Москве. Последним его движением была — милостыня, последним взором — утешение других. Следуя побуждению сердца, он раздавал милостыню каторжникам, отправлявшимся по этапу; простудился и вскоре, 3 декабря 1845 года, скончался.

⁵⁹ Имеется в виду переписка Л. К. де Сен-Мартена, французского мистика, с Н. А. Кирхбергером, бароном фон Либистроф, швейцарским теологом. «Пухлый том» их переписки, подготовленный к печати Ж.-Б. Генсом, учеником Сен-Мартена, Тургенев приобрел в 1840 году, о чем сообщал Шеллингу (см.: Из переписки Ф. В. Й. Шеллинга и А. И. Тургенева / Подг. текста, пер. с нем. и прим. П. Резвых // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 193–194); рукопись ныне хранится в архиве (Ед. хр. ст. 2064). Тургенев не успел осуществить свой план; переписка была издана позднее (La correspondance inédite de L. C. de Saint-Martin et Kirchberger... Paris, 1862). Культ духовного учителя мартинистов Тургенев воспринял от отца и был верен ему на протяжении всей жизни; имя Сен-Мартена фигурирует в его переписке с Голицыным. Портреты Сен-Мартена, Кирхбергера и С. Волконской украшали его комнату в Париже, о чем он сообщал Жуковскому 19 января 1842 года (Ед. хр. ст. 4714_р. Л. 37 об.).

⁶⁰ Ед. хр. ст. 1076. Л. 70–71 об.